

Гурдаева Наталья Алексеевна, Карлина Оксана Анатольевна

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

В статье рассматриваются новые возможности изучения явления синтаксической синонимии в свете когнитивной лингвистики. Представленные в работе способы осмысления типовых ситуаций выступают в качестве синтаксических модельных синонимов и представляют собой языковые варианты, выбор которых определяется не только особенностями восприятия и интерпретации объективной действительности, но и задачами коммуникации. Реализация когнитивного подхода к явлению синтаксической синонимии даёт возможность для дальнейшего более полного изучения процесса создания высказывания, осознанного или неосознанного выбора одного из языковых вариантов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 62-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

20. حافظ شیرازی. دیوان: در ۲ ج، تهران: علمی و فرهنگی، ۱۳۷۹، جلد دوم. ۷۶۵ – ۱۵۴۰ ص (Хафиз Ш. Диван: в 2-х т. Тегеран: Элми Фарханги, 2000. Т. 2. 755 с. (С. 765-1540.))
21. شهریار محمد حسین. دیوان: در ۳ جلد، تهران: زرین، ۱۳۷۴، ج. اول. ۷۴۹ ص (Шахрияр М. Диван: в 3-х т. Тегеран: Заррин, 1995. Т. 1. 749 с.)
22. شهریار محمد حسین. دیوان: در ۳ جلد، تهران: زرین، ۱۳۷۴، ج. دوم. ۷۵۰-۱۲۲ ص (Шахрияр М. Диван: в 3-х т. Тегеран: Заррин, 1995. Т. 2. 475 с. (С. 750-1225).)
23. شهریار محمد حسین. دیوان: در ۳ جلد، تهران: زرین، ۱۳۷۴، ج. سوم. ۴۹۴ ص (Шахрияр М. Диван: в 3-х т. Тегеран: Заррин, 1995. Т. 3. 494 с.)
24. Akalın Ş.H. Türkçe Sözlük: A.: Sanat Okulu, 2005. 2244 s. (Акалын Ш. Х. Толковый словарь турецкого языка. Анкара: Санат Окулу, 2005. 2244 с.)
25. Kardaş N. Örnekleriyle Türkçe Sözlük: 4 c. İ.: Eğitim Basımevi, 2002. C. 1. 884 s. (Кардаш Н. Этимологический словарь турецкого языка: в 4-х т. Стамбул: Эйтим Басымеви, 2002. Т. 1. 884 с.)
26. Kardaş N. Örnekleriyle Türkçe Sözlük: 4 c. İ.: Eğitim Basımevi, 2002. C. 2. 950 s. (S. 885-1835). (Кардаш Н. Этимологический словарь турецкого языка: в 4-х т. Стамбул: Эйтим Басымеви, 2002. Т. 2. 950 с. (С. 885-1835).)
27. Orucov Ə. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti: 4 c. Bakı: Elm, 1983. C. 3. 554 s. (Оруджев А. Толковый словарь азербайджанского языка: в 4-х т. Баку: Элм, 1983. Т. 3. 554 с.)
28. Orucov Ə. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti: 4 c. Bakı: Elm, 1987. C. 4. 541 s. (Оруджев А. Толковый словарь азербайджанского языка: в 4-х т. Баку: Элм, 1987. Т. 4. 541 с.)

COMMON TURKISH WORDS IN SHAHRIYAR'S PERSIAN POETRY

Guliev El'man Ismail ogly

Linguistic Institute named after Nasimi of National Scientific Academy of Azerbaijan
elmanquliyev55@gmail.com

The article touches upon the problem concerning some Turkish words which used in Persian poetry. This article has got two aims: 1) to investigate visually six nouns among a lot of Turkish common words with the giving quotations below; 2) to attract to the raised problem the attention of researchers, both iranists and turkologists.

Key words and phrases: ghazal; ode; distich; common noun; members of sentence; Persian poetry.

УДК 81'367

Филологические науки

В статье рассматриваются новые возможности изучения явления синтаксической синонимии в свете когнитивной лингвистики. Представленные в работе способы осмысления типовых ситуаций выступают в качестве синтаксических модельных синонимов и представляют собой языковые варианты, выбор которых определяется не только особенностями восприятия и интерпретации объективной действительности, но и задачами коммуникации. Реализация когнитивного подхода к явлению синтаксической синонимии даёт возможность для дальнейшего более полного изучения процесса создания высказывания, осознанного или неосознанного выбора одного из языковых вариантов.

Ключевые слова и фразы: когнитивная лингвистика; синтаксическая синонимия; типовое значение; семантическая ситуация; глубинная и поверхностная структуры.

Гурдаева Наталья Алексеевна, к. филол. н.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (филиал) в г. Таганроге
Gurdaevana@mail.ru

Карлина Оксана Анатольевна, к. филол. н.

Южный федеральный университет
Oksana_karlina@bk.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ[©]

В современной науке активно развивается когнитивная лингвистика, в сферу интересов которой входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации [7, с. 53]. Цель когнитивной лингвистики – «понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации мира и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией» [12, с. 12].

Развитие когнитивного направления в лингвистике создало условия для объединения функционального, ситуационного, антропоцентрического, грамматического подходов к изучению различных языковых фактов, в том числе и в области синтаксиса. Это позволило по-новому взглянуть на явление синтаксической синонимии как на попытку человеческого сознания найти оптимальные способы осмысления и языкового отражения действительности.

Стремление найти объяснение синтаксических фактов в коммуникативном задании высказывания и структуре внеязыковых ситуаций обусловило развитие ситуационного подхода к изучению синтаксических единиц. Связующим звеном между синтаксической конструкцией и фактом реальной действительности является «семантическая ситуация», представляющая собой «предшествующие языковому выражению стандартные ассоциации понятий, которые, с одной стороны, отражают внеязыковое положение вещей, с другой же, сами объективируются в простейших (“ядерных”) синтаксических структурах» [1, с. 32].

Одна семантическая ситуация может быть выражена разным набором грамматических средств, поэтому предложения, различающиеся по структуре, могут обладать общей семантикой. Общую семантику класса предложений («обобщенный смысловой результат предикативного сопряжения компонентов»), отражающую одну типовую ситуацию, повторяющуюся в бесконечном ряду конструкций с различным конкретным содержанием, Г. А. Золотова называет типовым значением предложения. По ее мнению, говорящий, в соответствии с категориальным характером мысли, выбирает необходимые «синтаксические формы слов», оформляя их в различные модели предложения, которые обладают единым типовым значением [9, с. 18-30].

Вопрос о возможности отражения одного и того же факта действительности различными языковыми средствами тесно связан с теорией глубинных и поверхностных структур. Ученые разных школ и направлений прямо или косвенно касались данной проблемы. Так, О. Есперсен [8] различал языковые (синтаксические) категории и внеязыковые (понятийные), которые залегают в глубине синтаксиса каждого языка, отражая его логическую основу. В. Гумбольдт [6], развивая идеи философской грамматики, выдвинул тезис о том, что говорящий, наделенный даром языка, использует конечные средства бесконечным числом способов. Б. Уорф [20, с. 255-285] открытую грамматическую категорию противопоставлял скрытой, которая присутствует лишь в сознании, но все же находит свое выражение в языке, так как связана с определенным порядком употребления различных классов слов, словосочетаний, предложений. Н. Хомский, следуя традициям философской лингвистики, различал поверхностную структуру предложения как систему категорий, которая прямо связана с физическим сигналом, и лежащую в её основе глубинную структуру как систему категорий более абстрактного характера. По его словам, «поверхностная структура полностью задаёт фонетическую интерпретацию, а глубинная структура выражает те грамматические функции, которые играют роль при задании семантической интерпретации» [24, с. 39-40]. Рассматривая оба типа структур в формальном плане, Н. Хомский отмечал, что «поверхностная структура часто бывает обманчивой и неинформативной» [23, с. 49], и это означает, что любая синтаксическая конструкция изолированно не может выразить глубинный смысл.

В. Г. Гак предлагал проводить различия между глубинными и поверхностными структурами не только на формальном, но и на семантическом уровне, утверждая при этом, что семантическое начало присуще не только словам, но и синтаксическим конструкциям. «Особенность семантики предложения по сравнению с семантикой слова заключается в том, что референтом предложения является не отдельный элемент действительности, но отрезок ситуации в целом» [4, с. 77-85]. Обращение к мыслительному уровню формирования смысла предложения и постановка вопроса о существовании глубинного уровня в семантике синтаксической конструкции стали началом для выработки критериев выявления грамматических и семантических обобщений, которые послужили основой для формирования когнитивных категорий в синтаксисе [22, с. 187-214]. Когнитивное значение синтаксических единиц отражается в глубинной структуре.

Г. А. Золотова под глубинной структурой понимает систему выраженных в предложении смысловых отношений, т.е. некоторый семантический инвариант, который опосредуется через ряд равнозначных (поверхностных) структур. В глубинной структуре и отражается типовое значение предложения. Разнообразие вариативных форм выражения глубинного значения учёный объясняет сложными и противоречивыми отношениями между внеязыковыми реалиями и системой их представленности языковыми средствами. Г. А. Золотова выделяет прямой и косвенный способы языкового выражения реалий. При прямом способе реальное явление категориально соответствует основному значению представляющей его части речи (предметы – существительные; признаки – прилагательные; действия – глаголы и т.д.), при косвенном – нет прямого категориального соответствия между внеязыковым явлением и основной семантикой обозначающей его части речи (*пение, уборка, пахота* – действие – существительные; *ширина, красота, выносливость* – качества – существительные; и наоборот: *является, определяется, характеризуется* – глаголы, не обозначающие действия) [9, с. 228].

Наличие в языке конструкций с одним типовым значением является основой для развития синтаксической синонимии. Впервые термин «синтаксические синонимы» был употреблён А. М. Пешковским. Наблюдая над различными способами выражения одного и того же содержания, учёный определяет грамматические синонимы как «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по грамматическому смыслу» [13, с. 133-161].

П. В. Чесноков синтаксическими синонимами признаёт ряд предложений, различающихся по структуре, но отражающих одну типовую ситуацию [26]. Типовое значение может быть реализовано одной моделью или рядом синонимичных моделей, представляющих собой «варианты сочетаний разнооформленных, но равнозначных структурно-смысловых или семантико-синтаксических компонентов моделей предложений» [9, с. 231]. В качестве основного признака синонимичности конструкций учёный называет «изменение формы компонентов модели в рамках того же типового значения». Признавая, что «общность значений может быть абстракцией разного порядка», учёный ограничивает явление синтаксической синонимии конструкциями, в которых наблюдается лексико-синтаксическая соотносительность компонентов, то есть примером синонимического ряда могут служить предложения: *Она грустит; Ей грустно; Она испытывает грусть*. В приведенных примерах представлены способы выражения конкретной объективной ситуации лексическими,

морфологическими, синтаксическими средствами. Но наряду с этим существует более абстрактное явление – синонимия, основанная на способах отражения в языке типовой ситуации (семантического инварианта), что позволяет С. Н. Цейтлин выделить две разновидности синтаксической синонимии: во-первых, модельную синонимию, когда речь идет о синонимии синтаксических моделей, конструктивных типов предложений, и, во-вторых, конкретную синонимию, когда имеются в виду конкретные предложения, равнозначность которых обеспечивается не только синтаксическими, но и лексическими средствами [25, с. 77-78].

По мнению большинства исследователей, в том числе А. Н. Гвоздева (1958, 1973), В. П. Сухотина [17], С. Н. Цейтлин [25], близкие по значению синтаксические образования только в том случае могут быть отнесены к синонимам, если наряду с объединяющими их элементами существуют хотя бы минимальные структурно-семантические различия. В. П. Сухотин считает синтаксическими синонимами «различающиеся по структуре свободные соединения одних и тех же слов (словосочетания), а также предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной действительности. При этом близкие по значению синтаксические образования только в том случае могут быть отнесены к синонимам, если наряду с объединяющими их элементами существуют хотя бы минимальные структурно-семантические различия. Синтаксические синонимы в отличие от лексико-фразеологических имеют отношение не к обозначениям предметов, действий, признаков самих по себе, а к существующим в действительности и отраженным в общественном сознании и в языке данного народа связям этих явлений, к их расчлененным обозначениям» [17, с. 14].

О различиях как обязательном свойстве синонимичных явления в языке говорит и Ф. де Соссюр: «Обладая одинаковой значимостью (общим ядром значения), синонимы имеют различную субстанцию, обозначая одни и те же явления, связи и отношения объективной действительности, они различаются в структурном отношении и передают дополнительные оттенки» [16, с. 114-117].

Действительно, природа синонимии такова, что сходство элементов обязательно предполагает некоторые их различия. Именно смысловые оттенки синтаксических синонимов, связанные с различными способами осмысления объективной ситуации, обуславливают и объясняют их сосуществование в языке, иначе они, согласно закону экономии языковых средств, были бы избыточны и, следовательно, со временем утрачены системой языка. Именно различиями определяется осознанный или неосознанный выбор, который делает среди этих конструкций говорящий.

Рассматриваемые в данной статье конструкции, отражающие типовые ситуации «единство двух действий одного субъекта» и «единство двух действий одного прямого объекта», представляют собой факт модельной синонимии.

При выражении действий в языке в большинстве случаев имеется указание на субъект или на объект. Важную роль в синтаксическом построении играют отношения между компонентами, выражающими субъект или объект и действия, и отношения между компонентами, репрезентирующими саму идею действия. Данное значение реализуется в языке посредством сочетания слов, имеющих в своем значении сему «действие». Обычно рассматриваются примеры, в которых действие выражается глаголом, но идея действия может раскрываться и через содержание других частей речи: деепричастия, причастия, существительного со значением процесса (действия или состояния). Каждая конструкция отражает одну и ту же внеязыковую ситуацию: совершение или совершаемость разных действий одним субъектом и направленность этих действий на объект или восприятие действий объектом. Многообразие языковых вариантов её описания связано с тем, что общая ситуация усложняется различными элементами самой действительности, что и определяет особые черты в характере осмысления одной и той же объективной ситуации.

Только сходство (смысловое, грамматическое) сопоставляемых компонентов является недостаточным фактором для установления синонимии. Глагол, причастие, деепричастие, отглагольное существительное имеют общую семантическую основу (саму идею действия) и характеризуются различиями, связанными с их семантикой, морфологическими особенностями, синтаксической ролью. Так как глагол является наиболее специализированным средством для выражения действия, любой другой компонент с подобным значением должен иметь особенности, так как абсолютно одинаковые формы в языке не закрепились бы.

Рассмотрим, например, как выражена идея действия в деепричастии. В существующих определениях деепричастия представлены такие его характеристики, как добавочное, сопутствующее, побочное действие, т.е. подчеркивается зависимость действия, выраженного деепричастием, от действия, выраженного глаголом. Именно структурная зависимость деепричастия от глагола определяет его второстепенность, но семантические отношения не всегда равны структурным. Если рассмотреть данный вопрос с точки зрения ситуационного подхода, то правильнее говорить об особом характере деепричастного действия, тем более что во многих случаях объективно сложно определить действие как главное или неглавное: *Он узнал её всю и, узнав, не мог не полюбить* [19, с. 334]. Большую, чем глагол, коммуникативную значимость получают конструкции с деепричастиями, которые относятся к глаголам, обозначающим положение в пространстве, как, например, в предложении: *Отдыхая, я долго лежал на кургане* [3, с. 44].

В силу двойственной природы причастия, идея действия проявляется в нем в разной степени. Особенно последовательно она выражена при актуализации категории времени у действительных причастий прошедшего времени при наличии зависимых слов, указывающих на качество действия, орудие производителя [5, с. 215]. В предложении: *Седой кучер, направляющийся от каретного сарая взять лошадь, еще у сарая снимает шапку* [3, с. 65], в значении причастия на первый план выходит идея действия и его направления.

Значение действия может быть выражено существительными, образованными от глагольных корней, обозначающих процесс (действие или состояние): *Егор поглядел на барина в недоумении* [Там же, с. 35]; *После внимательного осмотра и постукивания больной знаменитый доктор стоял в гостиной и говорил с князем* [19, с. 137]. «В одних из этих существительных мы находим оттенок процесса, обращенного в точку (прыжок, скачок), в других – процесса, разбитого на части и вследствие этого более или менее длительного (летание, выздоровление), в третьих – начало процесса (запевала)» [14, с. 110-112]. Особенность этого способа выражения действия заключается в том, что оно не имеет непосредственного отношения к какому-либо лицу или предмету. Характер протекания действия, обозначенного существительным, выражается семантикой грамматически связанных с ним слов (начал преследование, ежемесячный отчет), семантикой служебного слова (при, во время, по мере), словообразовательной структурой существительного [2].

Общее семантическое отношение между субъектом и действиями всегда одинаково и находит выражение в том или ином типе конструкций. Семантические отношения между компонентами, выражающими действие, зависят от наличия (отсутствия) реальной связи между самими действиями. Процесс осмысления конкретной ситуации по своей природе двухсторонний. При воспроизведении факта действительности адресантом выбор средств определяется особенностями ситуации, при восприятии сообщений адресатом на первый план выходит анализ семантики языковых средств. Общим остается типовое значение конкретной синтаксической структуры, благодаря которому участники коммуникации осознают реальное явление одинаково.

Семантические отношения между компонентами, выражающими два разных действия одного субъекта, могут быть разными: отношения сопутствия действий, связанности, зависимости. Двумя глаголами, например, могут быть выражены сопутствующие действия как протекающие независимо друг от друга: *Пылили автомобили, гремели ломовики, чистильщики на углах стучали щетками, вращали глазами* [18, с. 119], так и непосредственно связанные в реальной действительности: *Илья Бабин слушал и похотывал* [Там же, с. 89]. Два глагола могут выражать последовательные, чередующиеся действия, а также действия, между которыми существует отношение зависимости (причинно-следственной, целевой): *Авдотья Максимовна обошла пустые комнаты, спустилась вниз* [Там же, с. 123]; *Конец коридора с дверью в машинное отделение то возносился, то падал вниз* [Там же, с. 132]; *Она больше не ревновала мужа, знала наизусть все его увлечения* [Там же, с. 125].

Структурная подчиненность деепричастия глаголу не сводит типы семантических отношений между ними только к отношению зависимости. «Нет основания видеть между сочинением и подчинением различий в содержании отношений. Между сочинением и подчинением могут возникнуть тождественные по содержанию отношения» [27, с. 10]. С точки зрения взаимодействия смыслов, между глаголом и деепричастием возможны разные семантические отношения: *Гаяна, хохоча, схватила его за шею* [18, с. 129] - отношение сопутствия действий; *Пройдя в рулевое отделение, Андрей Николаевич скоординировал спуск* [Там же, с. 134] – отношение последовательности действий. Семантическое отношение зависимости между действиями, выраженными глаголом и деепричастием, представлено более широко, чем при сочетании двух глаголов. Особенно часто отражаются отношения причины, следствия, цели, градации (возрастания интенсивности) действий.

Сочетанием глагола и причастия в большинстве случаев выражаются ситуативно связанные (сопутствующие) действия: *Яковлев, стоявший на вахте, крикнул сверху в трубу* [Там же], при этом причастие имеет со словом, обозначающим субъект, более тесную связь за счет включения в свое содержание идеи признака данного субъекта. Однако причастие может использоваться для выражения последовательных действий: *Команда, выходявшая по очереди на палубу, покуривала после духоты кают на лёгком ветру* [Там же, с. 132] или действий, между которыми проявляются отношения зависимости (уступки, причины, результативности).

Связь между двумя действиями одного субъекта, существующая в реальной действительности, может быть выражена сочетанием глагола и отглагольного существительного. Обычно в подобных конструкциях проявляется отношение сопутствия действий: *Багровое пламя с оглушительным треском блеснет к небу* [3, с. 62]. Кроме рассмотренных выше, возможны и другие сочетания компонентов, выражающих два разных действия одного субъекта. Наличие подобных конструкций позволяет отразить в процессе коммуникации разные стороны одной объективной ситуации.

При выражении в языке типовой ситуации «единство двух действий одного прямого объекта» и глагол, и деепричастие, и действительное причастие называют понятия о действиях, но особенность анализируемой типовой ситуации в том, что на объект направлено сразу несколько действий. Если понятия о действиях, направленных на понятие об объекте, репрезентированы одинаковыми частями речи (личными формами глаголов, инфинитивами, деепричастиями, действительными причастиями или отглагольными существительными), то между этими компонентами мысли устанавливаются непосредственные смысловые отношения равноправия, выраженные сочинительной связью: *Он сорвал гроздь рябины и ел, морщась* [15, с. 226]; *Штиц шёл вприпрыжку, подбирая и словно отряхивая лапки* [21, с. 405]. При употреблении в пределах одной конструкции глагола и деепричастия, называющих действия, направленные на один прямой объект, между этими компонентами мысли устанавливаются смысловые отношения неравноправия, выражаемые подчинительной связью: *... оправдывая деятельность другого, в душе презирал её* [19, с. 30]. Если понятия о действиях выражены глаголом и действительным причастием, то между этими понятиями отношения синтаксически не выражены, хотя объективно, естественно, связь между ними существует.

В синтаксических конструкциях, отражающих направленность отношений от объекта к действиям, понятия о действиях могут быть выражены полными и краткими страдательными причастиями и глаголами в форме страдательного залога: *Угол дома действительно был закруглён и поднят куполом* [21, с. 404];

...занесённые снегом, пробежали обвязанные люди [19, с. 120]. Особенность такого способа воспроизведения объективной ситуации заключается в том, что в осмыслении действий, названных полными или краткими страдательными причастиями, на первый план выходит идея признака как результата этого действия. В данных примерах ситуация осмысливается со стороны объекта (предмета), поэтому все действия, направленные на него в реальности, отражаются в языке как признаки этого предмета.

Многогранность каждого явления объективной реальности позволяет воспринимать и отражать его в языке с разных сторон, в различных отношениях, акцентируя внимание на каком-либо аспекте, на одном из типов отношений. Выбранный говорящим способ осмысления ситуации обуславливает выбор языковых средств различного уровня для выражения мысли. Например, влияние одного действия на объект и восприятие другого действия этим же объектом может быть отражено в синтаксической конструкции, где одно из действий может называться только полным страдательным причастием настоящего или прошедшего времени, а другое действие – личной формой глагола действительного залога, инфинитивом, действительным причастием, деепричастием и отглагольным существительным: *Густав Максимилианович Воробьёв разнял сцепленные пальцы* [11, с. 101]; *...сматывая кругом снятые вожжи...* [19, с. 361]. Во всех перечисленных примерах между понятиями об объекте и действиях устанавливается непосредственная связь, а понятия о действиях связаны опосредованно: их объединяет общий объект. Между словами, называющими действия, смысловая связь синтаксически не выражена, так как нет реальной связи и между названными действиями, хотя они соотношены во времени. Ещё одной особенностью данного способа воспроизведения объективной ситуации является то, что понятие об одном из двух реально существующих действий воспринимается в качестве признака, выделяющего предмет из ряда подобных и показывающего, что именно на этот предмет направлено другое действие.

Язык располагает множеством средств для выражения какого-либо содержания, и одно и то же явление действительности может быть точно и полно осмыслено и отражено в языке по-разному и с разных сторон. Синтаксические конструкции, выражающие одно типовое значение, являются различными способами осмысления этого значения, что позволяет в каждом случае акцентировать внимание на более важных, с точки зрения говорящего, сторонах.

Список литературы

1. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М.: Изд-во МГУ, 1971. 293 с.
2. Булин П. В. О характере протекания действия и его выражении у отглагольных существительных // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда, 1981. С. 24-36.
3. Бунин И. А. Избранное: Поэзия, проза. К.: Выща шк. Головное изд-во, 1988. 624 с.
4. Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики: Семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур // Инвариантные синтаксические отношения и структура предложения. М., 1969. С. 17-85.
5. Голанов И. Г. Современный русский язык: морфология. М., 1967. 288 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
7. Демьянков В. З., Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика // Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 53-55.
8. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. 407 с.
9. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 351 с.
10. Золотова Г. А. Синтаксическая синонимия и культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1971. С. 178-217.
11. Лавренёв Б. Комендант Пушкин. // Антология русского советского рассказа (30-е годы) / сост. С. Г. Боровиков. М.: Современник, 1986. С. 88-121.
12. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. 296 с.
13. Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М. – Л.: Госиздат, 1930. С. 156-162.
14. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 511 с.
15. Пильняк Б. Рождение человека. // Антология русского советского рассказа (30-е годы) / сост. С. Г. Боровиков. М.: Современник, 1986. С. 210-235.
16. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1977. 696 с.
17. Сухотин В. П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. М., 1968. 159 с.
18. Толстой А. Н. Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1985. 336 с.
19. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман: в 8-ми ч. М.: Моск. рабочий, 1984. Ч. 1-4. 480 с.
20. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. М., 1960. Ч. 2. С. 255-285.
21. Федин К. Старик. // Антология русского советского рассказа (30-е годы) / сост. С. Г. Боровиков. М.: Современник, 1986. 508 с.
22. Фурс Л. А. Когнитивные категории в синтаксисе: кол. монография / под ред. Л. М. Ковалевой (отв. ред.), С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновы. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 187-214.
23. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972. 260 с.
24. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972. 123 с.
25. Цейтлин С. Н. Система синтаксических синонимов (на материале русского языка) // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1971. С. 78-87.
26. Чесноков П. В. Два аспекта в синонимии предложения // Предложение как многоаспектная единица языка / под ред. В. В. Бабайцевой. М., 1984. С. 25-31.
27. Чесноков П. В. Семантическая структура предложения // Семантическая структура предложения: сборник статей. Ростов н/Д, 1978. С. 3-20.

COGNITIVE POTENTIAL OF SYNTACTIC SYNONYMY

Gurdaeva Natal'ya Alekseevna, Ph. D. in Philology
Rostov State University of Economics (Branch) in Taganrog
Gurdaevana@mail.ru

Karlina Oksana Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University
Oksana_karlina@bk.ru

The article considers new possibilities for studying the phenomenon of syntactic synonymy in the light of cognitive linguistics. Presented in the paper ways of comprehension of typical situations act as syntactic model synonyms and represent the language versions, which choice is determined not only by the peculiarities of perception and interpretation of objective reality, but also by the tasks of communication. Implementation of the cognitive approach to the phenomenon of syntactic synonymy gives an opportunity for further more complete study of the process of creating expressions, conscious or unconscious selection of one of the language versions.

Key words and phrases: cognitive linguistics; syntactic synonymy; typical meaning; semantic situation; deep and surface structures.

УДК 8; 81

Филологические науки

В статье рассматривается проблема выбора средства повторной номинации персонажа в тексте. На основе анализа примеров из рассказов А. П. Чехова и с учетом исследований повторных номинаций устанавливаются функции особого типа повторной номинации персонажа в тексте – дублирования рассказчиком номинации, использованной в речи персонажа. Автор приходит к выводу, что использование такой номинации указывает на расхождение точек зрения рассказчика и именуемого персонажа относительно объекта наименования.

Ключевые слова и фразы: номинация лиц; нарративная парадигма; субъектная перспектива; текстовые функции номинаций; референционный конфликт.

Гусева Софья Сергеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
guseva.sofja@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВОЙ НОМИНАЦИИ ЛИЦА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАССКАЗЧИКОМ НАИМЕНОВАНИЯ, ДАННОГО ПЕРСОНАЖЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ А. П. ЧЕХОВА)®

Существуют разные способы повторной номинации, то есть «наименования уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества» [1, с. 524]. Механизм выбора средства повторной номинации играет важную роль в текстообразовании, но исследован он еще явно недостаточно. В изучении нуждаются прежде всего те функции, которые выполняет выбираемое рассказчиком средство. Как показали специальные исследования [1; 3; 4], повторные номинации в тексте могут выполнять целый ряд функций. Главными из них является поддержание текстового разнообразия (путем избегания повторов) и облегчение читателю понимания того, о каком персонаже (референте) идет речь. В позиции повторного именованного может также вводиться новая информация о персонаже; с его помощью может демонстрироваться отношение к персонажу именуемого; им может маркироваться смена регистра и пр.

В качестве материала исследования были выбраны произведения А. П. Чехова, так как в них содержится большое число номинаций лиц. Кроме того, в нашем распоряжении есть корпус текстов А. П. Чехова, созданный в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ (автор статьи принимал непосредственное участие в создании данного корпуса), с помощью которого мы выявили единицы, именуемые лица в текстах А. П. Чехова, и контексты, необходимые для анализа этих единиц.

В рамках данной статьи мы рассмотрим только такие специфические способы номинации персонажа, в которых рассказчик «подхватывает» наименование, использованное впервые выше другим персонажем в речи. Повторяя использованную персонажем номинацию, рассказчик акцентирует на ней внимание. Такая дублированная номинация явно является маркированной, так как в обычном случае новые наименования сначала появляются в нарративе, а уже после этого используются в речи персонажей.

Повтор рассказчиком номинации, данной персонажем в диалоге, может использоваться для устранения референционного конфликта, то есть для того, чтобы избежать ситуации, когда на иную возможную номинацию мог бы претендовать другой референт, и идентификация референта читателем была бы затруднена.